

Научная статья

УДК 82(090)

DOI 10.17223/18137083/85/8

**«Темный Шукшин»:
контексты и подтексты рассказа «Шире шаг, маэстро!»**

Александр Иванович Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия
iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

Цель исследования – определить ключевые проблемы, по которым писатели-традиционалисты вели полемику с представителями молодежной прозы. Признанный лидер молодежной прозы Аксёнов был убежден в необходимости стереть границу между городом и селом. Писатели-традиционалисты занимали по этим вопросам противоположные позиции. В ходе анализа рассказа Шукшина «Шире шаг, маэстро!» автору удалось доказать, что сюжет рассказа, а также целый ряд мелких деталей отсылают к повести Аксёнова «Коллеги». В статье впервые выявлен пародийно-полемический пласт шукшинского произведения. Кроме того, в тексте обнаружены скрытые отсылки к некоторым фактам биографии Аксёнова.

Ключевые слова

В. Шукшин, В. Аксёнов, контекст, подтекст, сюжет, пародия, реминисценция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Для цитирования

Куляпин А. И. «Темный Шукшин»: контексты и подтексты рассказа «Шире шаг, маэстро!» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 105–115. DOI 10.17223/18137083/85/8

© Куляпин А. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 105–115
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 105–115

“Dark Shukshin”: contexts and subtexts of the story “Shire shag, maestro!”

Alexandr I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

The study aims to identify the key issues of debates between traditionalist writers and youth prose representatives. Vasily Aksyonov, a recognized leader of youth prose, believed it necessary to erase the boundary between city and village. Thus, one character in his story “Kollegi” speaks enthusiastically about the upcoming transformation of the Kruglogorsk settlement into a city. Furthermore, his story “Zatovarennaya bochkotara” quotes a phrase from the “Manifesto of the Communist Party” by Marx and Engels about the “idiocy of village life.” Traditionalist writers had the opposite position on these issues. Vasily Shukshin argued against the Party’s guidelines in the manuscript version of the article “Vopros samomu sebe” by insisting that there was not and still is not such a thing as the “idiocy of village life.” The analysis of Shukshin’s story “Shire shag, maestro!” has proved that the main plot of the story and several small details refer to Aksyonov’s story “Kollegi.” For the first time, this study has revealed the parodic-polemical layer of Shukshin’s work. In addition, hidden references to some facts of Aksyonov’s biography were found. Shukshin is seen to highlight the inconsistency of Aksyonov’s worldview principles by indicating the gap between his words and deeds. Pathetically calling for “great deeds in the rural field,” Aksyonov prefers to abandon medicine for the sake of fiction. So does the protagonist of the story “Shire shag, maestro!”

Keywords

V. Shukshin, V. Aksyonov, context, subtext, plot, parody, reminiscence

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

For citation

Kulyapin A. I. “Dark Shukshin”: contexts and subtexts of the story “Shire shag, maestro!”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 105–115. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/8

Евгений Попов, назвавший себя учеником двух Василиев – Шукшина и Аксёнова, – засвидетельствовал (в очень политкорректной форме), что между его учителями «искры приязни не бегали» [Кабаков, Попов, 2011, с. 259]. Аксёнов, если верить Попову, считал Шукшина «замечательным писателем, но темным человеком» (цит. по: [Гундарин, 2021, с. 150]). В свою очередь Шукшин Аксёнова тоже не жаловал, но, похоже, читал достаточно внимательно.

Литературоведы и критики, сопоставляя творчество Шукшина и Аксёнова, обычно делают акцент на расхождении мировоззрения и поэтики писателей. «С появлением “дереvesчиков”, – отметил Е. Вертлиб, – выявилось два направления в нынешнем рассказе: традиционное и с западным уклоном. Первое – Солженицын, Шукшин, Казаков, второе – Битов, Аксёнов» [Вертлиб, 1990, с. 73]. Но порой, как ни парадоксально, критики даже находят некие точки соприкосно-

вения между произведениями Шукшина и Аксёнова. Так, польские литературоведы Анджей Дравич, Ежи Сливовски, Эдвард Павляк склоняются к тому, чтобы вывести Шукшина «за рамки “деревенской прозы”». А. Дравич предпочитает рассматривать творчество Шукшина в русле исповедальной прозы. Еще дальше идет Э. Павляк, усматривая в Пашке Колокольникове из фильма «Живет такой парень» родство с героями Василия Аксёнова [Нефагина, 2016, с. 501].

На самом деле по отношению к прозе Аксёнова Шукшин явно испытывал преувеличенный «страх влияния» (по Г. Блуму), который, в частности, сказался при обсуждении рассказа «Случай в ресторане» с редакцией журнала «Москва». Шукшин в последний момент зачем-то попросил заменить слово «спокойно» в двух репликах главных героев:

«– Спокойно, – сказал детина. – Мы все понимаем.

– С вас получить можно? – обратилась официантка к старичку.

– Спокойно, – сказал старичок. – Продолжайте заниматься своим делом» (Шукшин, 2014, т. 3, с. 75).

В письме в редакцию журнала (февраль 1967 г.) Шукшин поясняет необходимость правки текста так: «Слово “спокойно” заменено вот почему: я встретил его почти в такой же ситуации (герой разговаривает) у В. Аксёнова. Не надо бы повторяться» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 262). Объяснение было настолько странным и неубедительным, что исправлять ничего не стали.

В том же тысяча девятьсот шестьдесят седьмом Шукшин развернуто выскажется о языке прозы Аксёнова. В анкете журнала «Вопросы литературы», присланной Шукшину, был вопрос: «Считаете ли Вы, что передача речи героя-современника во всей ее характерности (профессиональный жаргон, например студенческий, терминологические штампы, газетные обороты, канцеляризм и т. д.) противопоказана языку художественного произведения?» – «Тут – странное дело: в литературе стало модой, в жизни все не так, – ответил Шукшин. – В литературе запестрели “предки”, “чуваки”, “чувихи”, “хаты”, “лабухи” – и пошла писать губерния: критики и пенсионеры ополчились на это, модные писатели упорствуют; целое дело! А “дела” нет – “за отсутствием состава преступления”. Поумериться бы с этим. Правда, из мухи слона раздули» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 90).

Показательно, что все отобранные Шукшиным словечки молодежного сленга встречаются в романе Аксёнова «Звездный билет» (1961): «Конь – это значит отец. Великая радость, когда уходит конь. Ребята бросаются к телефонам: “Хата есть!”»; «Ах ты, подлая чувиха! – заорал он и бросился на Галку»; «Да это же тот лабух из Малаховки! – воскликнул Алик»; «Стоп, стоп, чуваки!» и др. (Аксёнов, 2006, с. 198, 250, 262, 277).

Среди писателей, ответивших на анкету журнала «Вопросы литературы», был и В. Аксёнов. Его позиция по проблеме языка современной литературы противоположна шукшинской: «Терпеть не могу псевдонародной стилизации, коллекционирования редчайших, не употребляемых уже нигде словечек, всяких там “тутень”, “мольва”, “фисонь”. Нужно ли писать «скоко», показывая простонародность героя? Все мы говорим “скоко” в своей торопливости, а пишем “сколько”. Это почти не отличается от английского “рашен”, которое пишется как “руссиан”. Безусловно, можно сказать “очинно” вместо “очень”, но только если этого требуют интонация, музыкальность фразы.

Не понимаю пуристов, ратующих за изгнание жаргона и прочих современных словообразований и оборотов из языка литературного произведения. Это все равно, что в быту перейти на дистиллированную воду и презирать суп. Ироническая

интонация в современной прозе неизбежно приводит к использованию канцеляризованных и прочих штампов.

Что касается “засорения русского языка”, то здесь я должен высказать свое категорическое мнение. В засорении языка, в формировании жаргона и штампов литературе принадлежит последняя роль. Все это возникает вследствие совсем других общественных процессов, и литература в данном случае лишь фиксирует это, как чуткий воспринимающий организм» (Аксёнов, 1967).

Если при столь радикальных отличиях во взглядах писателей реминисценции из произведений антагониста всё же появляются в тексте, то, разумеется, только с пародийно-полемической установкой.

В повести Аксёнова «Коллеги» (1960) ветеран войны Егоров, характеризуя вечернюю толпу на Невском, несколько неожиданно переходит на французский, привычным «вульгарный» или «пошлый» он предпочитает «vulgarité»: «Здоровые, веселые люди, молодежь, девушки, стройные, смелые, ну и вульгаритэ, конечно, попадают, юнцы какие-то развинченные косяками ходят» (Аксёнов, 1969, с. 84).

Шукшин дважды употребляет это псевдофранцузское «вульгаритэ», добиваясь более тонкого, чем у Аксёнова, эффекта. В повести-сказке «До третьих петухов» (1975) «не то Онегин, не то Чацкий» говорит о библиотекарше Галке: «Вульгаритэ». На что Обломов неодобрительно замечает: «Вам всё французенек подавай» (Шукшин, 2014, т. 7, с. 194). Герой другого шукшинского произведения Солодовников («Шире шаг, маэстро!», 1970) определяет всё тем же словечком «курносенькую хохотушку, учительницу немецкого языка»: «Малость, она, правда, вульгаритэ: носик. К тридцати годам носик этот самый на лоб ползет. Курносые предрасположены к полноте» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 70). По странноватому мнению «молодого донжуана», вульгарной девушку делает форма носа. Портрет учительницы немецкого языка («курносая») и противопоставление библиотекарши Галки француженкам не оставляет сомнений, что за обилием иностранного скрывается пренебрежительное отношение героев к русскому.

Д. Быков^{*} охарактеризовал Аксёнова всего двумя словами: «западник и гедонист» [Быков, 2019, с. 333]. И то, и другое Шукшину абсолютно чуждо, поэтому не удивительно, что личность и некоторые детали биографии автора «Звездного билета» он сделал объектом пародирования.

Евгений Попов не без иронии поведал о первой публикации Аксёнова – стихах, посланных в газету «Комсомолец Татарии», «когда он еще был студентом Казанского меда. Сюжет: как студент, окончив университет, уехал по велению сердца на одну из строек Дальнего Востока (!). Ну, типа “Едем мы, друзья, в дальние края”. В дальние лагерные края... Василий рассказывал, что занял на конкурсе какое-то там место и даже получил за это гонорар неплохой, который тут же пропил с товарищами и подругами. То есть вот и такая судьба могла быть. Мог бы быть советский поэт казанского происхождения Василий Аксёнов» [Гундарин, 2021, с. 89].

Свой первый литературный успех Аксёнов развил, используя с небольшими вариациями сюжет дебютного стихотворения в повести «Коллеги», где главный герой Александр Зеленин после окончания Ленинградского мединститута добровольно уезжает в северный поселок Круглогорье.

^{*} Минюстом РФ Д. Л. Быков включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

Для Шукшина писательская карьера началась с рассказа «Двое на телеге» (1958), который «напоминает отчасти аксёновских “Коллег”» [Быков, 2019, с. 308]. И хотя, по мнению Д. Быкова *, «рассказ замечательный» [Там же], Шукшин ни разу не включал его в свои сборники. Возможно, как раз из-за того, что он «напоминает аксёновских “Коллег”». Только спустя десять лет Шукшин в рассказе «Шире шаг, маэстро!» вернется к сюжету «молодой врач в сельской больнице».

В разговоре с Е. Поповым А. Кабаков вспомнил, как один молодой писатель спросил у него: «...я сейчас в своем поколении... я такой же, как Аксёнов был в своем?» Его интересовало «маэстро ли он», – пояснил суть вопроса А. Кабаков. – А если маэстро – то тут возникает Аксёнов...» Интересна реакция Е. Попова: «Очень хорошо. А почему не Шукшин своего поколения?» [Кабаков, Попов, 2011, с. 120].

Названием рассказа Шукшина стала реплика главного героя Георгия Солодовникова, дважды мысленно именующего себя «маэстро». В его призыве «шире шаг», обращенном к самому себе, тоже вполне возможно отыскать аксёновский след. «Как всегда в ногу» шагают по шоссе трое друзей в повести «Коллеги»: «Шире шаг! – командует Карпов. – Шумно в строю» (Аксёнов, 1969, с. 22). Совпадение мелких деталей лишь оттеняет разницу в освещении принципиальных проблем.

По точному наблюдению Ю. Л. Слезкина, «фундамент социализма покоился на скалистом дне, очищенном от идиотизма деревенской жизни» [2019, с. 432]. В «Манифесте Коммунистической партии» в качестве одной из важных задач провозглашалось «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» [Маркс, Энгельс, 1950, с. 56]. В. Аксёнов, как и многие его современники, тоже был убежден в необходимости стереть границу между городом и селом. Александра Зеленина невозможно назвать сельским жителем, так как «его мир не замыкается бревенчатыми домиками Круглогорья, <...> он живет во второй половине двадцатого века, во всем огромном современном мире» (Аксёнов, 1969, с. 51). К тому же дни старого Круглогорья сочтены. Председатель поселкового совета Егоров с энтузиазмом говорит о грядущих переменах: «Проложим шоссе по берегу озера, вдоль него построим дома, пустим автобус. Поселок и стройка сольются, и будет город Круглогорск» (Аксёнов, 1969, с. 77). Маркс и Энгельс позитивно оценивали тот факт, что «буржуазия подчинила деревню господству города», ведь это позволило вырвать «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [Маркс, Энгельс, 1950, с. 37]. В. Аксёнов процитировал «Манифест Коммунистической партии» в повести «Затоваренная бочкотара» (1968). Потомственный рабочий Телескопов рассуждает на первой странице повести: «Сюда, к идиотизму сельской жизни, возвращаемся на заслуженный отдых, лишь только когда соль в коленях снижает квалификацию» (Аксёнов, 1968, с. 37).

Совершенно очевидно, что вопрос об отношениях между городом и деревней для Шукшина ключевой. Он даже осмелился публично оспорить партийные установки. В третьей «Программе КПСС», принятой на XXII съезде партии в 1961 г., было заявлено: «Ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней явится одним из величайших результатов строительства коммунизма» [Программа КПСС, 1986, с. 143]. Тезис этот ввиду особой значимости выделили в тексте курсивом. Шукшин же в статье «Вопрос самому себе» настаивал на противном: «...грань между городом и деревней нико-

гда не должна до конца стереться. Никакой это не агрогородок – деревня – даже в светлом будущем» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 18). В рукописи содержался еще и острый выпад в адрес основателей научного коммунизма, при публикации статьи в журнале «Сельская молодежь» (1966, № 11) и газете «Советская культура» (1966, 15 ноября) эти строки, естественно, вырезали: «...а куда девать известный идиотизм, оберегая “некую патриархальность?” А никуда. Его не будет. Его нет. Духовная потребность в деревне никогда не была меньше, ниже, чем в городе. Там нет мещанства» (Шукшин, 1981, с. 12).

Оставшийся неизвестным современникам фрагмент статьи «Вопрос самому себе» Шукшин использовал в рассказе «Шире шаг, маэстро!» Солодовников, перетрусивший во время стычки с хозяином сена, с досадой вспоминает: «В какой-то статье он прочитал у какого-то писателя, что “идиотизма деревенской жизни” никогда не было и, конечно же, нет и теперь. “Сам идиот, поэтому и идиотизма нет и не было”, – зло подумал он про писателя» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 67).

Слово «идиот» произошло от греческого «идиотес» «отдельный человек, отдельное лицо», «значение “умственно неполноценный человек”, “кретин” не первоначальное, а позднее, возникшее на западноевропейской почве» [Черных, 1994, с. 336]. Маркс и Энгельс, указывая в «Манифесте Коммунистической партии» на «идиотизм деревенской жизни», безусловно, учитывали исходный греческий смысл слова. Несколькими годами раньше оппозиция «город – деревня» была намечена в их книге «Немецкая идеология», но там философы обошлись без бранных выражений: «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт – изолированность и разобщённость» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 50]. По-своему закономерно, что в сталинский период радикальным способом преодоления «идиотизма деревенской жизни» стала коллективизация. «Победили колхозы – исчезает “идиотизм деревенской жизни”», – заметила в 1934 г. в письме из мест лишения свободы троцкистка Татьяна Мягкова (цит. по: [Слезкин, 2019, с. 525]).

К концу 1960-х гг. стало ясно, что изолированность и разобщённость – примета вовсе не сельской, а как раз городской жизни. Но даже если понимать под идиотизмом деревенской жизни темноту и культурную отсталость, то и это, по Шукшину, будет неправильно, поскольку «сельская культура создается в городе», и проблема том, что «ее придумал мещанин» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 19).

В повести Аксёнова «Коллеги» коренной ленинградец Зеленин не только врачует телесные недуги сельчан, но еще и содействует расцвету культурной жизни Круглогорья: «...он стал активным членом правления клуба и редколлегии устного журнала, <...> декламирует стихи на концертах самодеятельности и собирается поставить “Деревья умирают стоя”...» (Аксёнов, 1969, с. 115). Не так хорош Зеленин в роли лектора. Его доклад «Алкоголь – разрушитель здоровья» «никуда не годился» (Аксёнов, 1969, с. 104). Зато позже он успешно «по методу академика Павлова» излечит от алкоголизма местного кучера Филимона (Аксёнов, 1969, с. 112).

Мещанин, по Шукшину, – это «существо крайне напыщенное и самодовольное», «беспрерывно, судорожными движениями сокращающееся в сторону “сладкой жизни”» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 19). Главный герой рассказа «Шире шаг, маэстро!» полностью соответствует этой характеристике. Он потребитель и распространитель того самого «культурного суррогата», который город навязывает селу. В текст письма бывшему однокурснику Солодовников вставляет слегка от-

редактированную строчку из песни знаменитого барда-шестидесятника и по совместительству ученого-химика Александра Дулова (1931–2007): «Хучь бей меня, хучь режь меня – я актер» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 61). В песне «Ой-ё-ёй, я несчастная девчоночка» рефреном проходят строки: «Хошь режь меня, / Хошь ешь меня, / Уйду к нему опять!» Дулов, иногда называвший себя «теоретиком жанра», относил авторскую песню к «третьей культуре», занимающей нишу между профессиональным искусством и фольклором. Песня «Ой-ё-ёй, я несчастная девчоночка» – яркий образец псевдофольклора. Имитации такого рода неизменно вызвали у Шукшина раздражение. В статье «Монолог на лестнице» (1968) он высказался по этому вопросу достаточно определенно: «...современная русская народная песня! Подчеркнуто – народная. Современная. И – “Полношко колхозное, мил на тракторе, а я на мотоцикле за ним...” Бросьте вы! Обыкновенная плохая стилизация» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 32).

Георгию Солодовникову, как и Александру Зеленину, предоставляется шанс поспособствовать подъему культурного уровня Образцовки – ему также предстоит прочитать лекцию о вреде алкоголя. В необходимости антиалкогольной пропаганды молодой врач мог убедиться лично. Выписывая листовое железо, директор совхоза, как о чем-то само собой разумеющемся, предупреждает: завскладом Морозов «небось с похмелья» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 68). Это действительно так, кладовщик настолько сильно хочет опохмелиться, что беззастенчиво вымогает у Солодовникова деньги на выпивку. От лекции шукшинский герой всё же уклоняется под предлогом занятости. На деле его ждет нечто прямо противоположное борьбе с пьянством: «Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка, винишко...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 70).

В начале дня Солодовников набрасывает для себя жизненную программу: «Работа, работа, работа. Изнуряющая. Радостная. Смелая. Подвижническая» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64). К вечеру от благих порывов не остается ничего, «сладкая жизнь» гораздо приятнее изнуряющей работы.

«Я актер», – аттестует себя Солодовников, склонный лгать и лицемерить на каждом шагу, в любой ситуации. Для героя повести Аксёнова «Коллеги» театр – это вообще «тайная страсть», он признается жене, «что с первого курса почему-то возомнил себя актером, стал шляться по театрам, был статистом, таскал декорации и даже одно время собирался бросить медицинский и поступить в театральный институт» (Аксёнов, 1969, с. 170). Вершина театральной деятельности Александра Зеленина в Круглогорье – планируемая постановка по пьесе Александрo Касоны «Деревья умирают стоя» (1949).

Выбор произведения симптоматичен для характеристики не столько героя, сколько автора повести. Комедия Касоны построена на мотиве «ложь во спасение» (Касона, 1959, с. 26). Главный герой пьесы Маурисьо – директор агентства «Ариэль», занимающегося осуществлением мечты отчаявшихся людей, утверждает, что «искусство важнее, чем жизнь», а потому «сеять волнение или иллюзии – такое же достойное занятие, как сеять хлеб» (Касона, 1959, с. 47, 21). Александр Зеленин и его коллеги Владислав Карпов и Алексей Максимов, «пугаясь высоких слов», «экзамен на мужество и верность» выдерживают (Аксёнов, 1969, с. 83). Они доказывают свою профессиональную и человеческую состоятельность не словами, а поступками. У Аксёнова же, пафосно призывающего к «великим деяниям на сельской ниве» (Аксёнов, 1969, с. 84), налицо вопиющий разрыв между

словом и делом. Отказавшись от медицины ради литературы, он воистину предпочел сеять иллюзии вместо хлеба.

Шукшинский Солодовников тоже вспоминает псевдобиблейское выражение «ложь во спасение», правда, признавая, что притворство и лицедейство давно стало для него самоцелью: «“Гадкая натура, – думал. – Главное, зачем? Ведь даже не во спасение, ведь не требуется!” Но при этом испытывал и некоторое приятное чувство, этакое дорогое сердцу успокоение...» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 61). Солодовников невольно саморазоблачается, неосмотрительно процитировав басню Крылова «Зеркало и Обезьяна» (1816): «Всё, – подумал он, – Хватит. Пора кончать эти... ужимки и прыжки» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64).

Обезьяна из басни Крылова не хочет узнавать себя в зеркале:

«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!

Что это там за рожа?

Какие у нее ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на нее хоть чуть была похожа».

«Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» – советует ей в ответ Медведь (Крылов, 1969, с. 101).

У главного героя рассказа «Шире шаг, маэстро!» несколько интертекстуальных двойников, но, как и крыловская Обезьяна, он не способен увидеть себя в этих «отражениях». Солодовникова раздражает примитивное остроумие главврача Анны Афанасьевны: «Господи – весь юмор: “бу сделано”, “лады”, – удивился Солодовников. – И не жалко времени – болтать! Тут теперь каждая минута дорога» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 63). В комментариях А. Г. Милуковой отмечено: «“Бу сделано!”, “Бу сде...!” – “Будет сделано!”. Фраза стала крылатой после включения ее в сценку Аркадия Райкина “Зависть” (“Завхоз Лызин”), которая была поставлена в Ленинградском театре миниатюр в 1960-х гг.» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 356).

Приято считать, что монопьеса «Зависть» продолжала «гоголевскую» линию в творчестве советского сатирика. Так, Е. Д. Уварова указывает на сходство лучших персонажей Райкина с гоголевскими – «вполне реальными, узнаваемыми и одновременно фантастичными» [Уварова, 2011, с. 168]. Завхоз Лызин из скетча В. Полякова – это своего рода «Хлестаков XX века». «Честолюбивые мечты Лызина поднимают его над унылой действительностью» [Там же, с. 171].

Солодовников с его бесплодными фантазиями о «кафедре в Москве, своре учеников и огромном числе работ» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 62) похож и на завхоза Лызина, и, особенно, на «сочинителя» Хлестакова, утверждавшего, что он «литературой существует». «Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся», – говорит Хлестаков (Гоголь, 1960, с. 55). У Солодовникова, как и у гоголевского героя, стишки именно «выкидываются»: «Его поразило, что он написал стихи» (Шукшин, 2014, т. 5, с. 63). Хлестаков после пережитых в провинциальном городе приключений делится со своим приятелем Тряпичкиным планами на будущее: «Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться» (Гоголь, 1960, с. 118). Солодовников тоже, причем неожиданно даже для самого себя, переключается с медицины на беллетристику: «Солодовников стал, подошел к окну, постоял, руки в карманы, чувствуя за собой удивленный взгляд главврача... Качнулся с носков на пятки. И соврал. Крупно. Неожиданно.

– Начал писать работу, Анна Афанасьевна. “Письма из глубинки. Записки врача”.

Это как-то случилось само собой – эти “Письма из глубинки”». – «Неужели начался неосознанный акт творчества?» – тешит себя надеждой Солодовников (Шукшин, 2014, т. 5, с. 64). Он прав, говоря о «неосознанном акте», только это не акт творчества, а выражение беспочвенной амбиции встать в один ряд с Вересаевым и Булгаковым – авторами самых известных «Записок врача». Разумеется, такая цель для Солодовникова недостижима, так же как, впрочем, по Шукшину, и для еще одного врача, переквалифицировавшегося в писателя, – Василия Аксёнова.

Представителей «исповедальной» прозы (Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина) критики упрекали в том, что они любят «инфантильным, лишенным связей “с трудовыми классами” героем» [Разувалова, 2017, с. 187]. Судя по всему, Шукшин рассказом «Шире шаг, маэстро!» постарался подтвердить обоснованность этих упреков.

Список литературы

Быков Д. Л. Шестидесятники: Литературные портреты. М.: Молодая гвардия, 2019. 375 с.

Вертлиб Е. Василий Шукшин и русское духовное возрождение. New York: Effekt Publishing, 1990. 269 с.

Гундарин М. Солнце всходит и заходит: Жизнь и удивительные приключения Евгения Попова, сибиряка, пьяницы, скандалиста и знаменитого писателя. СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2021. 460 с.

Кабаков А. А., Попов Е. А. Аксёнов. М.: Астрель, 2011. 512 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1950. 72 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Нефагина Е. Л. Люди земли поймут друг друга: В. М. Шукшин в польских научных исследованиях и критике // Художественное произведение: структура, дискурс, медиа. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. С. 495–509.

Программа КПСС – Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 10: 1961–1965. С. 81–185.

Разувалова А. Свой среди чужих, чужой среди своих // Воспоминания о Шукшине. М.: Фонд «Формула успеха» имени В. М. Шукшина, 2017. С. 184–193.

Слезкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 976 с.

Уварова Е. Д. Аркадий Райкин. М.: Молодая гвардия, 2011. 383 с.: ил.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1. 623 с.

Список источников

Аксёнов В. Ответы на вопросы анкеты «Литература и язык» // Вопросы литературы. 1967. № 6. С. 88–156. URL: <https://voplit.ru/article/literatura-i-yazyk/> (дата обращения 17.11.2022).

- Аксёнов В. Затоваренная бочкотара // Юность. 1968. № 3. С. 37–63.
- Аксёнов В. Коллеги // Аксёнов В. Жаль, что вас не было с нами. Повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1969. С. 5–201.
- Аксёнов В. Звездный билет // Аксёнов В. Апельсины из Марокко. М.: Эксмо, 2006. С. 193–354.
- Гоголь Н. В. Ревизор // Гоголь Н. В. Собр. худож. произведений: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4: Драматические произведения. С. 5–122.
- Касона А. Деревья умирают стоя. Л.; М.: Искусство, 1959. 66 с.
- Крылов И. А. Зеркало и Обезьяна // Крылов И. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2: Басни. Стихотворения. Пьесы. С. 101.
- Шукиин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.
- Шукиин В. М. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.

References

- Bykov D. L. *Shestidesyatniki: Literaturnyye portrety* [The men of the sixties: Literary portraits]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2019, 375 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Rus. yaz., 1994, vol. 1, 623 p.
- Gundarin M. *Solntse vskhodit i zakhodit: Zhizn' i udivitel'nyye prikluycheniya Yevgeniya Popova, sibiryaka, p'yanytsy, skandalista i znamenitogo pisatelya* [The sun rises and sets: The life and amazing adventures of Evgeny Popov, a Siberian, drunkard, brawler and famous writer]. St. Petersburg, Moscow, RUGRAM Pal'mira, 2021, 460 p.
- Kabakov A. A., Popov Ye. A. *Aksonov* [Aksenov]. Moscow, Astrel', 2011, 512 p.
- Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Politizdat, 1950, 72 p.
- Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. In: K. Marx and F. Engels. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 7–544.
- Nefagina E. L. *Lyudi zemli poymut drug druga: V. M. Shukshin v pol'skikh nauchnykh issledovaniyakh i kritike* [People of the earth will understand each other: V. M. Shukshin in Polish scientific research and criticism]. In: *Khudozhestvennoye proizvedeniye: struktura, diskurs, media* [Work of art: structure, discourse, media]. Barnaul, AltSU, 2016, pp. 495–509.
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. In: *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezдов, konferentsiy i plenumov TSK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1986, vol. 10: 1961–1965, pp. 81–185.
- Razuvalova A. *Svoy sredi chuzhikh, chuzhoy sredi svoikh* [A friend among strangers, a stranger among friends]. In: *Vospominaniya o Shukshine* [Memories of Shukshin]. Moscow, Fond "Formula uspekha" imeni V. M. Shukshina, 2017, pp. 184–193.
- Slezkin Yu. L. *Dom pravitel'stva. Saga o russkoy revolyutsii* [Government House. Saga of the Russian Revolution]. Moscow, ACT: CORPUS, 2019, 976 p.
- Uvarova E. D. *Arkadiy Raykin* [Arkady Raikin]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011, 383 p.: il.
- Vertlib E. *Vasiliy Shukshin i russkoye dukhovnoye vozrozhdeniye* [Vasily Shukshin and the Russian spiritual revival]. New York, Effekt Publishing, 1990, 269 p.

List of sources

Aksenov V. Otvetny na voprosy anketi "Literatura i yazyk" [Answers to the questions of the "Literature and Language Questionnaire"]. *Voprosy literatury*. 1967, no. 6, pp. 88–156. URL: <https://voplit.ru/article/literatura-i-yazyk/> (accessed 17.11.2022).

Aksenov V. Kollegi [Colleagues]. In: Aksenov V. *Zhal', chto vas ne bylo s nami. Povest' i rasskazy* [It is a pity that you were not with us. Story and stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1969, pp. 5–201.

Aksenov V. Zatovarennaya bochkotara [Surplussed barrelware]. *Yunost'*. 1968, no. 3, pp. 37–63.

Aksenov V. Zvezdnyy bilet [Star ticket]. In: Aksenov V. *Apel'siny iz Marokko* [Oranges from Morocco]. Moscow, Eksmo, 2006, pp. 193–354.

Gogol N. V. Revizor [Inspector]. In: Gogol N. V. *Sobraniye khudozhestvennykh proizvedeniy: v 5 t.* [Collection of works of art: in 5 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1960, vol. 4: Dramaticheskie proizvedeniya [Dramatic works]. pp. 5–122.

Kasona A. *Derev'ya umirayut stoya* [Trees die standing]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo, 1959, 66 p.

Krylov I. A. Zerkalo i Obez'yana [Mirror and Monkey]. In: Krylov I. A. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1969, vol. 2. Basni. Stikhotvoreniya. P'esy [Fables. Poems. Plays], p. 101.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols.]. Barnaul, ID "Barnaul," 2014.

Shukshin V. M. *Voprosy samomu sebe* [Questions to myself]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1981, 256 p.

Информация об авторе

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия).

Information about the author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted on 28.11.2022;
approved after reviewing on 11.01.2023; accepted for publication on 11.01.2023*